

#доТебя

Дина Рид

Без
боя
не
сдамся

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д46

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Серийное художественное оформление —
Александр Шпаков

Сайт автора https://vk.com/fantasy_fantastika

Рид, Дина.

Д46 Без боя не сдамся : [роман] / Дина Рид. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 480 с. — (# дотебя).

ISBN 978-5-17-102802-2

Иногда любовь возникает не потому что, а вопреки. Вопреки разуму, вопреки правилам, вопреки собственным желаниям. Любовь ни хороша, ни плоха. Она просто есть. Жить с ней или отказаться от нее — решать каждому. Маше чуть больше двадцати. Она танцовщица из популярного шоу-балета. Алексею столько же. Он послушник с изломанной судьбой, отказавшийся от мечты о сцене. Какой путь они выберут для себя?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-102802-2

© Дина Рид
© ООО «Издательство АСТ», 2018

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Послушник

Сквозь ветви орешника пробивалось августовское солнце. Яркие пятна света ложились на горную тропу, слепили туристов.

— Жарко! — прикрыв глаза рукой, улыбнулась Маша. На её щеках появились милые ямочки.

— Скоро к водопаду придём, охладись, — подмигнул Никита, веснушчатый парень лет двадцати пяти. — Посмотри-ка: самшит колхидский.

Слева, в широкой трещине провала на камнях плескался ручей. По неровным склонам обрыва тянулись вверх тёмно-зелёные заросли. Мелкие, глянцевые листочки источали терпкий аромат.

— Ух ты! — сказала Маша. — Огромные. А запах какой! М-м-м, как на море!

Никита довольно улыбнулся — удалось-таки поразить спутницу.

— Реликт третичного периода, — блеснул он знаниями. — Можно найти и двадцатиметровые экземпляры.

Из группы, которую повёл по маршруту Никита, Маша оказалась самой благодарной слушательницей. Её друзей: Юру, Антона и девчонок, Катю и Вику, реликты, похоже, не интересовали.

Маша и Никита уже спустились с холма, а ребята всё ещё плелись следом и обсуждали что-то своё, то и дело заглядывая в смартфоны.

Прорезая зелёную долину, грунтовая дорога, усеянная булыжником, убегала вперёд — к лысым серым скалам.

— Позагораю немного, чего время терять, — сказала Маша и стянула спортивную футболку, оставшись в топе от купальника и маленьких джинсовых шортах.

— О! Маруся обнажается, — послышался сзади смешок Юры. — Берегись, комары сожрут!

— Да нет у нас комаров, ночью только москиты. И то мало, — хмыкнул Никита, неприкрыто разглядывая идеально сложенную девушку с золотистой кожей, тонкой талией, соблазнительными округлостями и стройными ножками. До вчерашнего вечера он был убеждён — подобные красотки бывают только в журналах, и те — дело рук толпы гримёров и умельцев фотошопа. Однако вчера во дворе соседки Семёновны он встретил именно такую «модель с обложки». Она улыбалась «как живая» и сама заговорила с ним! В первую секунду Никите хотелось дотронуться до незнакомки и убедиться, что гостья из столицы — не плод воображения и не побочное явление после недавнего эксперимента с грибочками. Ан нет, Маша была реальна, и пара тысяч за услуги проводника, которые он от неё получил, тоже хрустели по-настоящему.

— Ты тут вырос? — вырвала Никиту из раздумий Маша.

— Нет, я из Еката. В городе жить надоело, — многозначительно сказал Никита, не признаваясь, что попросту прячется в горах от вездесущего военкомата. — Познаю здесь иные формы жизни. Вон справа, глянь, скит мужской.

— Правда, что ли? — Маша посмотрела на заросли кукурузы, скрывающие меж глянцевыми листьями нежные початки с чуть лиловой бахромой, на бесконечные ряды фасоли, что цеплялась за длинные колья высушенными зноем стеблями, и звонко рассмеялась: — Да нет тут скита, огороды какие-то!

— Конечно, огороды. У этих бородатых умников, знаешь, какое хозяйство! Сами себя кормят, чтобы от общества не зависеть. А нас зато учить пытаются, как жить, — с неприязнью заметил Никита. — На подругу мою вчера батюшка наехал. Вообще как с цепи сорвался: грех, мол, в короткой юбке возле церкви тусить. Типа так только проститутки ходят...

Маша прыснула:

— Да ладно! А я тогда в купальнике кто?

— Демон-искуситель, как и все женщины. И сидит в тебе чёртик. Страшненький такой, злобненький. А лучше вон у монаха поди спроси, — ухмыльнулся Никита и кивнул в сторону, — видишь его?

Маша всмотрелась повнимательнее — за посадками высилась чёрная фигура. Монах стоял неподвижно, и Маше показалось, что он не сводит с неё глаз.

— Учат, говоришь? — хитро сощурилась она.

— Ага.

— Ну-ну, может быть, и сидит чёртик.

Маша стянула резинку, и рыжие блестящие кудри рассыпались, закрыв спину до самых бёдер. Завлекательно улыбаясь, она провела пальчиком по шее и ниже, будто смахивая каплю пота. Достала из сумочки воду и с самым соблазнительным видом принялась пить, за-

прокинув пол-литровую пластиковую бутылку, потом подняла её выше и струйки потекли на плечи и грудь.

— Да ты и правда искусительница, — сглотнул Никита, судорожно соображая: она дразнит его или монаха.

— Терпеть не могу ярлыки, — спокойно пожала плечами Маша, выходя из «образа». — Уж если на меня будут их цеплять, пусть это будет хоть чем-то оправдано.

Она вытерлась платком как ни в чём не бывало.

— Для кого представление? — послышался сзади смешок. Это подоспели Юра и Антон.

— Никита, уж не для тебя ли? — ехидно поинтересовалась светловолосая Вика. — Ты тогда половину гонорара верни.

— Похоже, это для детей кукурузы, — хихикнула Катя, поймав Машин взгляд.

Никита, смутившись, хрипло произнёс:

— Пойдёмте дальше, а то так и к заходу солнца до водопада не доберёмся.

Шестеро молодых людей зашагали вдоль скитских огородов. А по другую сторону, прячась за зеленью кустов, за теплицами и деревьями, неслышно, словно чёрная тень, метнулся парень в подрыснике.

— Я не пойму, — вдруг остановился Юра, — тот тип следит за нами, что ли?

— Какой тип? Где?!

— Это он на вас, девчонки, засмотрелся, — загоготал Юра, — им же нельзя ничего такого. А тут три такие дивы топают. Или это ему ты, Маруся, показывала зарисовку из рекламы Уотерс — «Жара и жажда»?

— Хэй, бро! — крикнул Антон фигуре в рясе, скрывшейся теперь за дощатым сараем. — Братишка! Иди сюда! С девчонками познакомим!

Туристы расхохотались, а Никита прошёл чуть вперёд, будто был не с ними. Он довольно скалился, чувствуя себя отомщённым.

— Чувак! Да они не кусаются! Честное слово! Хорошие девчонки! Отче, иди сюда, — не унимался Юра.

*

Но молодой послушник не показывался. Прижавшись лицом к тёплым доскам сарая, он дрожал. В висках стучало, по спине тёк горячий пот. Послушник не мог совладать с собой. С застилающим разум гневом он ударил по тонкой дощатой стене и, пробив её кулаком, прошептал сквозь зубы: «Сволочи».

ГЛАВА 2

«Помилуй мя, грешного»

Уже третий год Алёша Колосов жил при Святодуховом ските. В первый день здесь ему сказали: «Запомни два слова: простите и благословите». И именно их поначалу произнести было невыносимо трудно.

Долго он оставался обычным трудником¹, и лишь недавно ему позволили принять послушание. Просил Алёша благословения батюшки и на постриг, но отец Георгий отказал, говоря: «Монах — это воин Царя Небесного, который бьётся на передовой. Он не может отступить и уйти с поля, позади него — Бог и Царствие Его, а впереди — невидимые, иногда неведомые враги. Для монаха смертельная битва длится всю жизнь. Сна-

¹ Трудник — человек, живущий при монастыре или ските, бесплатно выполняющий работы для блага монастыря, ограниченно соблюдающий положения монастырского устава.

чала он отрекается от мира, потом совершает подвиг, и только в конце его ждёт награда или посрамление. Не спеши, Алёша. Ты не готов ещё. Совсем не готов. Всему своё время».

Алёшина битва шла в основном с самим собой: с желанием поспать и полениться, со слабостями и старыми привычками. Неделя к неделе, месяц к месяцу, год к году среди икон и людей, отрёкшихся от радостей мира, — атмосфера скита пропитывала Алёшино нутро, растворяя привычки и воспоминания о прошлой жизни.

Скит благоустраивался и разрастался. Монахи были страннолюбивы: принимали трудников и летом, и зимой — послушаний всегда хватало. Кто-то приезжал, попросту оставшись без работы, кому-то хотелось вкусить благодати — почувствовать себя иначе, кто-то помышлял о постриге, а кто-то — об исцелении. Приходили сюда и бывшие уголовники, желающие «перекантоваться», и совсем неверующие, кому податься было некуда. В первый Алёшин год в скиту чуть ли не каждый день разнимали братья трудников, особенно когда новичка задирали кто-нибудь из случайных людей. Но они уезжали, а дёрганый, злой на весь мир мальчишка оставался. Не отсылал его отец Георгий — нагружал работой, беседовал подолгу то строго, то ласково, наказывал епитимьями: дополнительными послушаниями и долгими часами молитв, но не прогонял. А когда достроили новый дом-общезитие, отдал настоятель Алёше, ещё и не послушнику пока, отдельную комнатку-каливу. Два на два метра всего — да не со всеми жить. Роскошь по уставу скита дозволительная лишь инокам. Отец-эконом даже повздорил из-за этого с игуменом, но слово отца Георгия было последним. Всегда.

Братья говорили о светлом, счастливом мире, который обрели здесь. Алёша верил им на слово, сам того не испытывая. Он работал в огороде, помогал на стройке, таскал воду, мёл двор перед общежитием. Честно отработывал пребывание в скиту. По десять часов в день послушник должен был посвящать молитве. Заученные слова он повторял про себя до сна и после, во время работы и трапезы. Монотонные слова молитв постепенно припорошили внутренний гнев, как снег землю. Только ночами порой приходили к Алёше незваные мысли о том, что занимает он не своё место, злоупотребляя добротой монахов. И откуда-то исподволь старые мечты свербели о несбывшемся. Впрочем, почти каждый из насельников мог дать сто очков вперёд любому, кого знал Алёша в прежней, мирской жизни. А потому ему хотелось оправдать доверие людей, которых уважал.

Со временем Алёша научился сдерживать ярость, и ему уже не хотелось, как прежде, разрушить всё, когда что-то не ладилось, разбить всякое лицо, в котором читалась усмешка. Отец Георгий не уставал повторять, что «все, водимые Духом Божиим, суть сыны Божии», а значит и Алексей — дитя Господа. Но прививка от счастья, полученная в детстве, была сильнее.

Строгий, логичный распорядок приносил спокойствие. А природа — без капли лжи и пафоса, от красоты которой так часто замирало Алёшино сердце, была доказательством того, что Бог есть не только в молитве и на иконах у алтаря. Раньше Алёша будто и не замечал всего, только здесь почувствовал себя посвящённым в её таинства, Алёша снисходительно, как на детей неразумных, поглядывал на туристов, что фотографировались на фоне горного великолепия, заслоня «бесценным я» главное, чем стоило любоваться. Горожане в модных костюмчиках резвились в горах, не слыша за собственными криками естественной, волшебной

музыки — шелеста леса, трелей птиц, плеска реки. Нередко выпив и закусив, приезжие прыгали по пенькам с вытянутой рукой с планшетом или мобильным и радостно возвещали: «Здесь есть Интернет!», словно это было единственное, зачем они сюда приехали.

Алёша усмехался. Ещё не монах, но уже не мирянин, не успевший толком разобраться в самом себе, он чувствовал перед этими людьми странное превосходство — такое безотчётно ощущает мускулистый спортсмен перед сутулым ботаником.

*

Заслышав голоса и переливчатый смех на дороге, Алёша неспешно поднял голову и обомлел: на дороге, бегущей сверху по холму, по загорелой спине незнакомой девушки каскадом рассыпались кудри, отливая медью на солнце. Она обернулась. Алёше отчаянно захотелось, чтобы в лице, обрамлённом волнами пушистых волос, нашёлся изъян. Но, увы, оно было красиво. Очень. Похотливо дразнясь, девушка вызвала в нём негодование и странное, застилающее разум желание видеть её ещё. Забыв о работе и молитве, Алёша устремился за группой туристов.

Но скоро они остановились и посмотрели в его сторону. Спутники девушки принялись гоготать и отпущать обидные шутки. Алёша не слушал их, он только видел её плавные изгибы бёдер, стройные ноги и едва прикрытую грудь. Каждое её движение отзывалось в нём неконтролируемой дрожью. Алёша закипел гневом: да что это с ним? Просто девка, пошлая девка — одна из многих.

От удара, разбившего в щепки дощатую стену сарая, на костяшках лопнула кожа. Алёша разжал кулак, молча глядя, как набухают на ранах алые капли крови.

С дороги ещё слышался смех, но безумное напряжение схлынуло.

— Прости, Господи! Бес попутал. Помилуй мя, грешнаго. Помилуй мя, — забормотал Алёша, изумляясь самому себе. Он резко развернулся и поспешил к каливам, нанизывая словно бусины на чётках, слово на слово второго послания к Коринфянам: «...если внешний наш человек и плетет, то внутренний со дня на день обновляется. Ибо кратковременное лёгкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу...»

ГЛАВА 3

Шоу-балет

Так случилось, что в Залесскую не вела ни одна приличная дорога, и чтобы выбираться к цивилизации привычные к бездорожью станичники обзаводились «уазиками» или внедорожниками покруче. Если же какой-нибудь смелый путешественник приезжал на избалованной городским асфальтом иномарке, ему затем приходилось латать пробоины в днище и менять безвозвратно испорченную ходовую.

Все попытки построить дорогу в Залесскую успехом не увенчались. Оползни и сели быстро справлялись с асфальтом, оставляя от него крошечные куски в назидание дорожным строителям. От узкоколейки в ущелье, по которой когда-то, как на американских горках, гоняли вагончик поддатые дрезинщики, остались лишь поросшие амброзией и белокопытником промасляные шпалы. Залесской как настоящему медвежьему углу суждено было оставаться самым труднодоступным местом в округе.

Станица захирела после девяностых. С распадом Советского Союза благополучно ушло в небытие лесное

хозяйство, будто кто-то свыше решил побережь лесную красоту от человеческой жадности и приостановил уничтожение пихт и можжевельника, дубов и тисов. Цеха по обработке древесины рачительные станичники растащили по частям, приладив, куда придётся, кирпич и стёкла, металл и шифер.

Заезжали в этот «конец географии» только туристы, истосковавшиеся по дикой природе, йоги и анастасиевцы.

Поэтому едва местный глава поставил закорючку в договоре на съёмки клипа Марка Далана в Залесской, весть облетела всю станицу. Точнее разнесла её, как эпидемию гриппа, супруга главы, Курдючиха. Она обежала всех кумушек, размахивая, как флагом, новостью: в Залесскую едет Марк Далан — тот самый, что в «Золотом граммофоне» пел и в новогоднем шоу на Первом главную роль играл. И режиссёр известный с ним, и ещё какие-то звезды, в общем, все, кого по телевизору показывают.

Станичники качали головой: «Совсем Курдючиха забрехалась». Но неделю назад Семёновна в сельмаге обмолвилась, что к ней приезжают танцоры из Москвы, и народ наострил уши: а не те ли самые?

Когда пятеро молодых людей вылезли из «Нивы Шевроле» Семёновина мужа, возле голубой калитки собралось немало народу, желающего поглазеть на звёзд.

Столичные гости были как на подбор, модные, статные, сверкающие голливудскими улыбками, но, к большому разочарованию залесских, совершенно неизвестные. «Несанкционированный митинг» рассосался сам собой. Только станичные девчонки не покинули заранее оккупированные скамеечки и, перешёптываясь, с любопытством рассматривали Юру, черноволосого красавца с вытатуированным на плече драконом, и светло-шоколадного мулата Антона. На рыжую Машу, высокую, белокожую брюнетку Катю

с короткой дерзкой стрижкой и на кареглазую блондинку Вику с красивым лицом хищницы, юные селянки поглядывали придирчиво, выискивая недостатки.

*

Для городских приезжих Залесская оказалась посвоему экзотичной. Саманные хибарки и срубы, дощатые сараюшки и редкие каменные дома окружала со всех сторон кудрявая зелень лесов.

На туристов осоловело смотрели коровёнки, за которыми нет-нет, да погонится какой-нибудь взлохмаченный пёс, вдохновенно лая и размахивая хвостом, как пропеллером. Чёрные ослы у заброшенного сарая издавали вместо ожидаемого «Иа» весьма странные звуки. Белые гуси вышагивали по заросшим травой берегам речушки и хлопали большими крыльями. Пёстрые куры деловито шастали вдоль заборов, то перебегая от поленницы к воротам, то ныряя в крапиву за жучками.

В том, что танцоров из столицы занесло в такую глушь, виноват был Лёня Вильберг, оператор, закадычный друг и сосед по лестничной клетке Маши Александровой. Он провёл пол-года в поисках самого красивого водопада для клипа Марка Далана и неисповедимыми путями добрался до Залесской.

Неуклюжий экспансивный Лёня частенько заглядывал к Маше «попить чайку». У соседей было много общего — оба счастливые обладатели однокомнатных квартир да к тому же трудоголики, погружённые в творчество. Лёня сутками таскал на худом плече профессиональную камеру. Маша репетировала до кровавых мозолей, до щиплющей боли в мышцах и любила придумывать танцы сама.

Фортуна соседей любила: Вильберг снимал клипы для самых-самых, Маша танцевала в группе популяр-